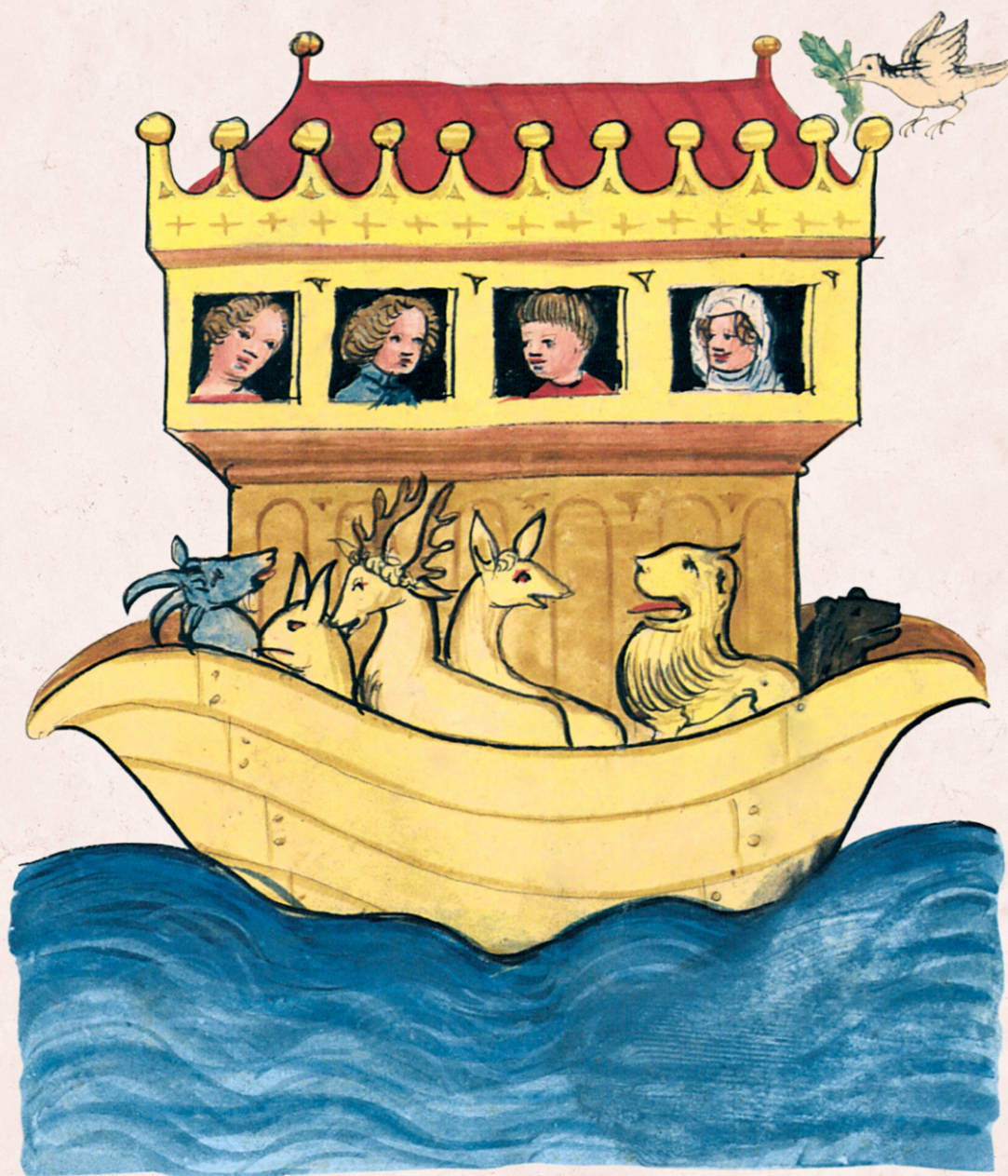

АРХИМАНДРИТ

Савва Мажуко

Лабиринты благочестия

архимандрит Савва (Мажуко)

Лабиринты благочестия

«Никея»

2023

УДК 248.12
ББК 86.372

(Мажуко) а.

Лабиринты благочестия / а. (Мажуко) — «Никея», 2023

ISBN 978-5-907628-72-4

Церковная жизнь современного человека порой похожа на блуждание по запутанному лабиринту: сплошные запреты и предписания, зачастую непонятные и противоречащие друг другу. Весьма непросто бывает разобраться, что в этом бесконечном своде правил укоренено в мудрости Священного Предания, а что мы соблюдаем просто по привычке и из страха сделать что-то не так. Отец Савва со свойственной ему добротой, юмором и недюжинной эрудицией помогает найти путь в этом лабиринте и отличить благочестие страха — от благочестия свободы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 248.12

ББК 86.372

ISBN 978-5-907628-72-4

© (Мажуко) а., 2023

© Никея, 2023

Содержание

Предисловие	6
Разрешение на радость	8
Многогрешные коты	11
Церковь холопов и церковь господ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Архимандрит Савва Мажуко Лабиринты благочестия

НИКЕЯ

© ООО ТД «Никея», 2023

© Савва (Мажуко), архим., 2023

Предисловие

Знатоки уверяют, что в солидных американских фирмах было неписаное правило: хозяин компании, каким бы состоятельным он ни был, обязательно раз в месяц целый день проводил «в зале», в сердце рабочей суеты, среди сотрудников самого низкого звена. Считалось, что это помогало руководителю не отрываться от реальности.

Для православного священника или епископа таким «хождением в народ» является исповедь прихожан. Ведь парение на высотах духа и обычная сословная замкнутость весьма способствуют отрыву от «широких народных масс». А я вообще человек неприлично благополучный: уже четверть века живу в монастыре на всем готовом и трудности, с которыми каждый день встречается рядовой гражданин, обходят меня стороной.

Люди более совестливые стыдились своего счастья. Удивительный мыслитель и писатель отец Сергей Дурылин в юности бросил гимназию, хотя был одаренным юношей. Ему было стыдно, что он получает добротное образование, в то время как этой возможности нет у большинства жителей Российской империи. Симона Вейль, тонкий философ, антиковед, яркий публицист, в свое время оставила спокойную и сытую жизнь преподавателя и ушла работать фрезеровщицей на завод «Рено», чтобы быть ближе к несчастным и обездоленным.

У меня нет таких нравственных сил. Видимо, я очень люблю покой и привык бездельничать. Но когда иду на исповедь или просто общаюсь с людьми, которых привела в церковь беда или забота, мое сердце сжимается от жалости. Может быть, если я еще способен к сочувствию, не такой уж я и пропащий?

Основная эмоция, поглощающая все душевные силы православного человека, это страх, что ты что-то делаешь не так, не по Святым Отцам, не по уставу, – а значит, ты не настоящий христианин. Во многом этот страх царствует в умах людей по причине невежества и недоразумения. Но не только поэтому. Есть еще и церковно-каноническая неразбериха, из-за которой совершенно непонятно, чего от нас хочет Бог, а чего требует Устав.

Православный человек словно находится между Богом и Уставом, причем Устав уважают больше, потому что он строже, страшнее, – значит, он и сильнее, а с силой считаются. С Типиконом не забалуешь! Это вам не какой-то Бог Любви, у Которого нет привычки заглядывать людям в тарелку. Типикон может и напугать, просто потому, что его краев и границ никто точно не знает. Законов о том, что можно, чего нельзя, как правильно, а как не по-православному, что одобряли, а что не одобряли Отцы и что об этом было сказано в последнем видении инокини-схимницы Дульсинеи, – всего этого так много и все это так противоречиво, что обычному человеку не то что выполнить, но и просто собрать воедино не представляется возможным.

Однако подвох состоит еще и в том, что даже соблюдение всех этих неписанных и писанных норм и правил не устраняет простого вопроса: а что, именно *этого* от меня хочет Бог? *Такой* замыслил Он жизнь Своих детей возлюбленных?

И видится картина последней встречи, на которой мне надо дать Богу отчет в прожитой жизни. Я стану перед Ним таким, каков есть, и честно признаюсь, на что ушли мои жизненные силы. Из чего же состояла моя религиозная жизнь? Из страха, чувства вины и растерянности! И Господь спросит:

– Но почему? Ведь Я этого не просил!

Правда, вездесущий и всеведущий Типикон предписывает Богу совсем другие вопросы и ответы. Он точно знает, как нам отольется на том свете вкушение в постные дни печенья на маргарине и ношение юбок неканонической длины. Правда, Типиконом я тут называю не церковный устав, а то коллективное и бессознательное творчество, в котором участвуют и миряне, и духовенство – и даже не понятно, кто больше и активнее. Наши страхи и недоразу-

меня создают весьма своеобразный облик церковного благочестия, ветвящегося затейливым и непроходимым лабиринтом.

И в нем мы бродим, как по полю брани,
Хранящему следы падений, бегств, смертей,
Где полчища слепцов сошлись в борьбе своей.

Это из «Дуврского берега» Мэтью Арнольда. А вот история поближе.

В одном белорусском селе служил старенький священник, любивший проповедовать. В Неделю о Страшном суде он разразился такой страстной проповедью, так живо и ярко описал мучения грешников, что церковь не просто залилась слезами, а захлебывалась в плаче, бабульки ревели в голос. Батюшка перепугался не на шутку и принялся успокаивать заплаканных старушек:

– Ну чаго вы так... Можа тэта яшчэ и ня-прауда...

Мучения грешников – реальность. Необходимость Церкви иметь Устав и канонические нормы – бесспорна. Вместе с тем важно научиться отличать пшеницу от плевел и не налагать на себя и близких бремена неудобноносимые, – а мы, священники, очень любим это делать, оправдывая свои радикальные пастырские опыты и аскетические эксперименты фразой из послания апостола Иуды:

страхом спасайте (Иуд. 1: 23).

Однако этой педагогической стратегии возражал еще пророк Исаия:

...разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? (Ис. 7: 13).

Я отказываюсь спасать страхом. Современные христиане, буквально все, умеют читать и писать, до их сердец можно достучаться словами милосердия и доброты, не запугивая, не затравливая человека, не навязывая ему вечного чувства вины и выполнения ненужных и утомительных предписаний.

Время от времени я говорю себе, что не стану больше писать на эти темы, займусь чем-нибудь серьезным и значительным, тем более что мои слова многих раздражают. Меня разъедают сомнения: а надо ли вообще об этом говорить? Ведь людям нравится, их всё устраивает – и священников, и мирян, и епископов. Они мучаются, мучают других, но все довольны и другого счастья себе не желают. А я, выходит, только порчу всем праздник. Но мне жалко людей. И если я смогу облегчить жизнь хотя бы десятку человек, хотя бы чуть-чуть сделаю кого-то счастливее и добрее, то всё было не напрасно. Ведь тогда мы немного ближе станем к Тому, Кто Свою проповедь начал с призыва *отпустить измученных на свободу* (Лк. 4: 18).

Разрешение на радость

Стою на исповеди. Старушка всхлипывает и робко терзает усталый платок.

– Батюшка, я такая грешница!

– Правда?

– Даже стыдно сказать...

– Не робейте!

– Я на свадьбе плясала. И чего я туда пошла, на свадьбу на эту?

– Ну потанцевали, и ладно, чего переживать!

– Правда? Так это не грех?

– Что за глупости!

– Ой! А мне так хотелось!

Вы только подумайте, в чем каялась эта бабушка? Она танцевала! Что же тут такого? Да, собственно, ничего особенного, почему бы на свадьбе и не потанцевать? Но это вам «ничего особенного», а православному человеку непросто в этом мире, ему нужно особое разрешение на радость.

Одна моя знакомая как-то призналась, что завидует своим неверующим подругам: делают что хотят, кушают что хотят, загорают, танцуют, ходят на фитнес, в кино, театры, – а себе хоть пропади! Зовут на новый спектакль – а в это время всеобщая. У сестры юбилей – а тут, как на грех, пятница, да еще, не дай Бог, Усекновение или Воздвижение! Сядешь обедать – опять помолиться забыл! Батюшку в магазине встретил – обойдешь стороной. Не потому, что не любишь, а во избежание сложностей: брать благословение или просто поклониться? А если он без подрясника? А можно ли священнику говорить «доброе утро»? И вдруг потом придется поддержать благочестивую беседу? А как беседовать, когда рядом соседка Людка? Ведь если искренне разговаривать – тщеславие, если сдержанно – веру предашь! Господи! И не прошел же Ты мимо, когда в церковь меня звал!

Не христианин, а нервный бегемотик!

Но самое страшное время – Великий пост! Время, когда православный понимает, что жить – это не только грех, но и большая ошибка!

Все религиозные журналы и календари пестрят заголовками про устав питания по дням: синим выделено сухоядение, фиолетовым – без масла, прямо под цвет лица и настроения! А в церкви службы длинные, пение по-о-стное! Постное пение – это не когда «Покаяние» Веделя и «Ныне силы» Львовского, а когда ты возьмешь ля-бемоль – и сил дойти до дома уже не останется.

А что делать? Всем трудно! Но обычаи храним и от веры не отречемся! Мы народ крепкий, истине верны! Это католики придумали, что пост надо обязательно держать, только если исполнилось восемнадцать и не стукнуло шестьдесят. А после шестидесяти что, уже и поститься не обязательно? Ловко придумали! Кто бы у нас тогда пост держал, если не старушки за шестьдесят?

И тут выясняется, что и у нас все не так строго.

– Откуда вы знаете, что сейчас сухоядение?

– Из календаря.

– А как это правило попало в календарь?

– Из Типикона.

– А что такое Типикон? Вы его читали?

– Только первые главы. Но там так странно: выходит, что это устав какого-то мужского монастыря.

– Вы монах?

– Что вы! Я вообще женщина средних лет, и вот – трое детей и муж голодный из кухни выглядывает. Я лучше пойду, ладно?

Старушка, покающаяся в свадебных танцах, осталась мне благодарна. Но благодарна по-православному, то есть я абсолютно уверен, что в следующий раз она будет танцевать на свадьбе, а потом снова придет каяться, и скорее всего – ко мне, потому что все говорят: «Иди к Савве, он всем всё прощает! А если хочешь к настоящему батюшке, к строгому, то... (место для вашей рекламы)».

Внутри православной традиции вы можете найти взаимоисключающие правила и советы, и от этой неразберихи просто кружится голова; а человеку, особенно молодому, очень важно знать: как правильно? Как на самом деле? Чего от меня хочет Бог? Ведь надо жить по воле Божией, а не вопреки ей! Но подумаем:

– Сухоядения и вкушения рыбной икры в субботу Лазаря – это именно то, чего от меня ждет Бог?

– Что вы! Этого не требует даже Церковь. Ведь Типикон – устав жизни типового мужского монастыря, составленный как образец по стандартам жизни семнадцатого века.

– А если я не монах и довольно редко бываю в семнадцатом веке, почему я должен выполнять эти требования?

– Чтобы показать единство Церкви!

– Но в чем же это единство, когда подавляющее большинство просто не в силах выполнить эти предписания? И, как оказалось, никто эти требования мирянам и не предъявлял. Да и сами посмотрите: этот стиль благочестия не эффективен, он не делает людей добрее, не приближает их к Богу! Это не малое стадо Христово, это кучка испуганных и издерганных ягнят с такими же перепуганными пастырями!

– Но ведь надо почтить старину и традицию! Не нами положено, не нам и отменять!

Сколько за эти годы было написано на тему поста, богослужебного устава и православного благочестия! Но все реплики и призывы упираются в один суровый факт: необходимо творческое усилие Церкви и политическая воля церковного руководства, чтобы навести здесь порядок, сделать нашу религиозную жизнь более понятной, честной и логичной, иначе все эти статьи и книги будут иметь тот же эффект, что и поклепка обоев в горящем доме.

Однажды меня отправили получать водительские права, и я был потрясен открытием нового мира знаков и значений. Водитель машины находится в ином семантическом поле, нежели пешеход. Оказывается, сорок лет я жил в параллельном мире! Конечно, мне было известно, что улицу переходят на зеленый свет, но что такое разделительная полоса, двойная сплошная и знак «Движение без остановки запрещено» – я не знал.

Я беспечно бродил по тротуарам, а в это время дорога жила своей насыщенной знаками жизнью. Здесь нельзя поворачивать налево, тут запрещена стоянка. Если желаете идти на разворот, придется проехать до кольца, только не забудьте, что приоритет у того, кто уже на кольце.

Религиозная жизнь – это тоже система знаков. Ведь религия только об этом – об обнаружении в знаке, *означивании* значительного, самого значительного, что только есть на свете. То есть о Боге и о человеке.

Религия – словно дорога со своей разметкой, знаками и светофорами. Согласен, не самая удачная метафора, потому что сразу думаешь: какую же службу несут батюшки и епископы в этой объемной метафоре, «священники с большой дороги»? Но только представьте себе, что из глубокого уважения к трассе, которая помнит образцы героизма и доблести, из чуткой памяти к священному прошлому мы не меняем на этой дороге ни знаки, ни разметку!

Конечно, появились скоростные автомобили, дорожное полотно благодаря новым технологиям стало более прочным, люди лучше осведомлены и образованны, улучшились средства связи, и, совершенно естественно, появились новые знаки, нанесена свежая разметка. Вот

только рука не подымается убрать старое, проверенное и уважаемое, с которым так много связано. И рядом с новым знаком по-прежнему стоит старый, и, рисуя новую разметку на асфальте, мы с чувством глубокого уважения обновляем и старую, которая, правда, противоречит новой, даже требует противоположного, – но ведь это настоящая старина, проверенная временем!

И автомобилист несется на свой страх и риск, потому что не может не ехать, – но и не в силах понять, где старый знак, где новый, и почему его штрафуют, и как случилась эта авария, и как так происходит, что на такой уважаемой трассе столько катастроф и столкновений и, главное, совершенно дезориентированы и водители, и пешеходы, и инспектор.

– Ты что, не видишь, что тут поворота нет?

– Так вот же знак – можно было поворачивать!

– А рядом какой стоит? Нет поворота!

– Так по какому знаку ехать, по старому или по новому? Хотя бы старый уберите!

– Как же мы его уберем? Он тут, знаешь, сколько стоит? С этим знаком столько всего связано! Не тобой поставлено, не тебе и трогать!

– Так ведь люди разбиваются!

– Потому что народ темный, учиться не хотят!

– А как учиться, если у вас и разметка на полдороги – и две сплошных, и прерывистая, и снова сплошная!

– Люди помудрее нас с тобой были, когда разметку ставили. К тому же народу очень нравится, когда старину чтят. Я бы вообще запретил по дорогам ездить. От ваших машин только суета. Копоть на древних знаках оседает да разметки священной из-за машин не видно. А ведь недавно отреставрировали! Если бы не такие, как ты, знаешь, какая бы у нас дорога была? Загляденье! Все бы хорошо, только люди мешают!

Мне этот выдуманный диалог напоминает вздыхания одного знакомого батюшки, который тосковал по «бесчеловечной службе», когда в храме был только он и регентша, которая все вычитывала, «не щадя живота своего».

И «маливались» они часов по пять, а потом чай пили у матушки Синклитикии из самовара.

Вот только дорога – чтобы ехать, ее строили не ради знаков и разметки. И если мы хотим, чтобы она была живой и служила своей цели, рано или поздно придется навести на ней порядок. Ведь Церковь – несущееся сквозь века ликование о Господе Воскресшем, и детям Божиим не нужно специальное разрешение на радость, если Христос посреде нас!

Многогрешные коты

Когда я начал ходить в церковь, то долго искал, как называется то, что так мешает мне жить, и, наконец, выдохнул с облегчением, потому что слово было найдено – «благочестие»! Вот оно какое! Всего одиннадцать букв, но какой объем, какая тотальная всеохватность! Самое неприятное, что только есть в религиозной жизни, – все сошлось в одном термине!

В это трудно поверить, но именно такие сложные отношения у меня были с благочестием в те далекие времена. Церковным человеком я сделался в 1990 году, и за тридцать лет из врага и критика благочестия превратился в его горячего защитника – и в это поверить еще труднее!

Однако наша первая встреча не была дружеской.

Мне было четырнадцать. Я зашел в единственный православный храм в нашем городе, и меня захватил и навсегда увел в плен этот мир, сотканный из необычных запахов, мерцания лампад и свечей, потемневших икон. Все было так таинственно, значительно и чудесно, что я почти на цыпочках переходил от иконы к иконе, не понимая, чьи эти святые лица с огромными глазами и почему они так прекрасны. Я просто таращился вокруг, как любопытный школьник, заложив руки за спину. И тут я встретил его – Благочестие! Оно подкралось незаметно, когда я вглядывался в один потемневший лик, и сочно врезало мне по рукам.

– Ты чего это? Как в церкви ходишь? Разве можно, чтобы руки за спиной?

Маленькая старушка выговорила и тут же погрузилась в чистку подсвечника. А я стоял слегка огушенный, потому что в тот момент вместе с обычной и естественной обидой родилась законная мысль: а почему, собственно? Какой смысл спрятан в запрете складывать руки за спину? Ведь это все неспроста? Может быть, это даже опасно и грешно, а я хожу тут в безопасности?

Со старушкой мы позже подружились. Она оказалась бабушкой редкой доброты, но мои недоумения она совершенно искренне не понимала:

– Почему нельзя? Ну понятно почему – грех тяжести, неотпущоны!

Этого объяснения ей было достаточно. Но только не мне. И так не знаешь, куда эти руки во время службы пристроить, а тут по ним еще и бьют!

Затем случилось новое открытие: оказывается, сидеть нога на ногу – не по-православному!

И моя словоохотливая бабушка тут же рассказала целую историю, как один старец обличил монаха, который себе позволял такую кощунственную вольность.

– А отчего же так сидеть нельзя?

– Ну, тебе же сказано: грех тяжести, неотпущоны!

Осталось только вздохнуть и взяться за решительное перевоспитание ног. И я бы с этим справился и вошел в счастливый список благочестивых юношей, если бы не кошки. Между мной и категорическим спасением оказались коты, причем довольно симпатичные. Оказалось, что, если ты погладил кота, тебе нельзя три дня есть антидор.

– А просфорку можно?

– Можно.

– А причаститься?

– Разрешается.

– А почему же тогда антидор нельзя?

– Так матушки старинные говорили! Грех тяжести, неотпущоны!

Вы смеетесь, а тогда для меня это было настоящим испытанием веры. И надо же было случиться, чтобы в этот решающий момент мой кот сломал лапу. Он был из профессорской семьи, резвый и ранимый, и я не успел оглянуться, как он свалился с третьего этажа. И когда

наш славный Муся с грустными глазками страдал в гипсе, я просто не мог променять его на самый святой на свете антидор!

Но тут появились «божественные книжечки» – полуслепой репринт девяностых, и я принялся страстно приобщаться к мудрости. И вот читаю у святителя Игнатия Брянчанинова: на молитве полезно стоять с руками за спиной, представляя себя раскаявшимся преступником со связанными за спиной руками. Выходит, можно было мне так бродить в храме, и даже молитве это не мешает, наоборот, способствует!

Позже стали выходить альбомы со старинными фотографиями новомучеников, дореволюционных священников и епископов, и там я увидел страшное: благочестивые митрополиты и будущие исповедники сидели в этой кощунственной позе – нога на ногу! И самое неожиданное – у некоторых святых на руках были те самые многогрешные коты, которых мне запрещали гладить! Но этих самых котов так любил святитель Тихон, патриарх Московский, праведник-«тяжеловес», уж если речь зашла об авторитетах! И кто знает, не дойди дело до кошек, сумел бы ли я достаточно разволноваться, чтобы хоть слово написать о благочестии?

И вот передо мной уважаемые и милые люди. Уважаемые – потому что святые, милые – потому что любят кошек. Но кроме всего прочего, это были настоящие христиане, святые, подтвердившие верность Христу своей благородной смертью! Значит, не видели они ничего зазорного в том, чтобы сидеть не по-православному, гладить кошек, молиться с руками за спиной?

– Так ведь батюшкам можно! Это ж батюшки! – нашлась моя мудрая старушка.

И нормальный человек на этом бы успокоился. Но ведь я был советский пионер, воспитанный с обостренным чувством справедливости, и мне очень нужно было знать, как правильно и почему одним все, а другим – ничего.

Мои церковные подружки, веселые и шустрые бабушки, постились до обморока, вычитывали бесконечные правила, на своих разбитых ножках выстаивали все службы, при этом считая себя недостойными и грешницами, а священники в алтаре часто сидели на службе, не так истово крестились и, оказывается, перед литургией не только не исповедовались, но даже и не постились.

Говорят, что греческая философия родилась, когда эллины-путешественники начали сравнивать свои обычаи с обрядами других народов. Вот и я начал сопоставлять и обобщать, и не нашлось человека, который бы меня остановил и отвадил задавать вопросы.

Если священникам можно то, чего нельзя мирянам, значит, батюшки необычный народ, и как мне объяснил один протоиерей, во время рукоположения дается особая «защита», чтобы выдержать «накал таинства», а у простых прихожан этого нет, и к святыне им так близко подходить опасно! Вот почему мирянам в алтарь нельзя, а бабам так и вовсе вход закрыт!

Конечно, тогда я и не смел возражать, тем более что меня уже взяли в алтарь, «облекли доверием», но вопросов стало больше. Если мирянам сюда нельзя, почему же директора завода, который выделил храму приличную сумму, человека абсолютно нецерковного, даже религиозно дикого, торжественно завели в алтарь в конце литургии и причастили прямо у престола? Ведь дело не в этом директоре или вероятном раболепии перед ним, а в возможности как таковой. Почему алтарь поручили убирать бодрой старушке, а игуменья с монахинями спокойно заходили сюда пошептаться с владыкой? Значит, дело не в секретной защите, а в совсем других вещах?

Вопросы всё множились. Если так важно соблюдать Устав, почему его можно нарушить и, если владыка торопится на встречу с гостями, сократить богослужение? Или, наоборот, вставить лишнюю кафизму, если архиерей немного опаздывает или хочет посидеть перед полиелеем? Значит ли это, что и Устав не абсолютен? И я погрузился в изучение Типикона, а поступив в семинарию, жадно читал книги по истории богослужбных чинов. А поскольку я был тайно влюблен в древлеправославную традицию, первым делом раздобыл знаменитую книгу

профессора Голубинского «К нашей полемике со старообрядцами» – и совсем запутался. Оказалось, что современные чины и обряды мы приняли не от апостолов, что богослужение находится в постоянном развитии, и пусть двоеперстие древнее троеперстия, но во времена Златоуста крестились и вовсе по-другому, и литургию совершали иначе. Где же правда?

Может показаться, что вопросы, которые меня волновали, мало между собой имеют общего. Ведь любой грамотный христианин заметит, что устав богослужения – это из литургии, крестное знамение – история обряда, статус духовенства и мирян – каноническое право, а руки за спиной и все прочее – область этикета и морали.

Это так. Но есть у этих вопросов общая основа, которая и называется «благочестие», и насколько важна эта сфера, судите хотя бы по тому, что благочестие не ограничивается только территорией храма и обряда, вбирает в себя не только чин богослужения и каноническое право, но выходит за рамки церковной ограды. Благочестие – это еще и стиль обыденной жизни верующего человека. Благочестие – это про быт, про характер взаимоотношений, социальную иерархию, культуру общения, тональность семейной жизни, воспитание детей, отношение к телу, питание, сексуальные отношения, культуру досуга, болезни, труда и даже сна.

Вопрос «Что благочестиво?» в нашей речи звучит в своей негативной версии: «Грешно ли?»

Грешно ли держать дома собаку?

Грешно ли чистить зубы перед причастием?

Грешно ли стирать в воскресенье?

Грешно ли помогать сыну-бездельнику?

Грешно ли спать после литургии?

Грешно ли загорать на пляже?

Выходя из церкви, верующий человек не ставит свою религию «на паузу», не ограничивает свою веру пределами храмового пространства, он продолжает быть христианином все двадцать четыре часа в сутки и в любом месте. И отличает его как религиозного человека от других людей именно благочестие.

Оно настолько всеохватно, что не будет ошибкой сказать, что благочестие тождественно религии, и временами мы можем использовать эти слова как синонимы. Как обычно называют верующего человека? Набожный, богомольный, религиозный, я даже слышал редкое слово «боговерующий», а в Белоруссии есть еще слово «знающий». Это всё синонимы благочестия. Религиозный человек – человек благочестия.

Хоть слово «благочестие» отдает стариной и большим авторитетом, оно не совсем русское. Это калька с греческого слова «евсевия» (εὐσεβία), в котором древние греки слышали не только почтение к богам, набожность, благоговение, но и почтительность к родителям и отечеству, и нередко к списку четырех классических добродетелей – мудрости, справедливости, храбрости, умеренности – присоединяли ещё и пятую – благочестие.

Греческое «евсевия» – слово составное, и эту составность как раз и скалькировало русское «благочестие»: «ев» (ей) значит «благо, добро, хорошо», как в слове «евангелие» – «добрая весть» или имени Евгений – «добророда, благородный». Глагол «сево» (σεβο) означает «почитать, благоговеть, поклоняться, чтить» – как бы сейчас сказали, «проявить уважение». Ведь уважение – такая вещь, что на руки не возьмешь и глазом не увидишь, это духовное состояние, и как таковое оно требует проявить себя в знаке – *значительное должно быть означено!*

Благочестие – проявленное уважение к Богу или священному. Слово «уважение» восходит к славянскому «вага» – «тяжесть, весы», от которого произошло прилагательное «важный» – «ценный, значительный, весомый». Для религиозного человека Бог – это Некто весьма значительный, и для того, чтобы обозначить значительное, используется система достойных и признанных знаков почтения, которую мы и называем благочестием. Благочестивый есть тот,

кто благо – то есть правильно, хорошо, благообразно, «как следует» – чтит Бога, оказывает Ему знаки уважения, соответствующие Его важности и значительности.

В некоторых книгах вы найдете мысль, что религиозное благочестие – это система моделей поведения, призванных помочь человеку в единении с Богом. Однако вопрос: как некие внешние жесты помогают стать ближе к Богу? Разве благочестие не есть действие в одну сторону? Разве подлинное благочестие не предполагает бескорыстия по отношению к Богу: Господи, я восхищаюсь Тобой, я просто рад тому, что Ты есть, и вот как я рад, смотри!

О бескорыстии в отношениях с Богом говорили еще языческие авторы. Например, Цицерон во второй книге диалога «О природе богов» пишет: «Мы должны относиться к этим богам с благоговением и почитать их. А самая лучшая, самая бескорыстная, самая светлая и полная благочестия форма почитания богов состоит в том, чтобы всегда и в мыслях, и словами искренне чтить их чисто и беспорочно».

Цицерон использует латинский термин «*pietas*», который так и переводится – «набожность, благочестие», но признаки настоящего благочестия для философа – бескорыстие, искренность, почтение, которое охватывает и мысли, и чувства, и слова.

Такое благочестие Цицерон отождествляет с религией, возводя это слово к глаголу «перечитывать»: «А те, которые над всем, что относится к почитанию богов, усердно размышляли и как бы перечитывали (*relegerent*), были названы религиозными (*religiosi*)». Конечно, такая этимология слова «*religio*» многими оспаривалась уже в древности, но для русского уха любопытно это созвучие «благочестия» с «чтением», «воздаяния чести» с «перечитыванием».

Как и положено философу, Цицерон, или персонаж его диалога, не просто дает определение благочестию, но отличает его от того, что есть ложное благочестие, суеверие: «Не только философы, но и предки наши делали различие между религией и суеверием. Ибо те, которые целыми днями молились и приносили жертвы, чтобы их дети пережили их (*superstiti sibi essent*), те были названы суеверными (*superstitiosi*), позже это название приобрело более широкий смысл». То есть для римского мыслителя и его современников «благочестие» четко отличалось от «суеверия» – тоже важное слово, которое неслучайно в русском варианте имеет призвук суеты.

Значит, есть благочестие подлинное – бескорыстное, искреннее, глубокое, а есть псевдоблагочестие, корыстная религиозность, суетная набожность. Если вспомнить моих веселых старушек, то к какому типу благочестия отнести их священные запреты – держать руки за спиной, сидеть нога на ногу, гладить кошек? Как бы я к ним ни относился, но суеверием я это не назову. Потому что опыт моих православных бабушек требует более точной и гибкой системы классификации, нужен метод получше, поцицеронистей!

Церковь холопов и церковь господ

В 1937 году мать Мария (Скобцова) написала статью «Типы религиозной жизни». Это не трактат кабинетного ученого, а, скорее, первая попытка дискуссии внутри русской традиции женского монашества. Про мать Марию написано немало, ведь она настолько поразила современников, что стала, пожалуй, единственным религиозным деятелем эмиграции, о котором в Советском Союзе сняли художественный фильм, сделанный с большой симпатией к героине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.